

РУССКИЕ ОЧЕВИДЦЫ РУБЕЖА XIX–XX ВВ. О ЕВРОПЕИЗАЦИИ И РАЗВИТИИ СОФИИ*

Никита Сергеевич Гусев –
кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник, Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: gusevns@gmail.com

Аннотация

В болгарской истории период от освобождения страны в 1878 г. и до так называемых «войн за национальное объединение» 1912–1918 гг. является периодом поступательного развития, нацеленного на вхождение в Европу. Одним из признаков «модерного» европейского государства должна была стать столица, демонстрирующая, что молодое княжество / царство разделяет ценности европейской культуры. В статье на основании русских тревелогов того времени прослеживается, какое наполнение имело представление о городе. В описаниях доминировала дихотомия «европейский / азиатский (турецкий)», равнозначная противопоставлению «светлый мир будущего / темный мир прошлого». Среди главных признаков европейского города начала XX в. выделялись три: широкие и чистые улицы, высокие каменные дома, применение достижений технического прогресса. В то же время София только двигалась к этому идеалу, и преобразования охватили не весь город. Но скорость данного движения была столь велика, что поражала русских очевидцев и в большинстве случаев заслоняла для них недостатки городской среды и сохранявшие ориентальный облик окраины. Сами же болгары гордились новым обликом Софии, несмотря на то, что предмет этой гордости имел показной, витринный характер. На основании представленного материала делается вывод, что часть европейских ценностей, связанных с городом, болгарам понималась, но не стала одной из основ их собственной системы ценностей.

Ключевые слова

Болгария, София, город, модернизация, русские наблюдатели, европейские ценности
Статья поступила в редакцию 17 сентября 2019 г.

* Авторская работа выполнена по гранту РФФИ № 18-512-76003 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» в рамках Программы ERA.Net.RUS Call 2018 (проект #472-LED-SW).

RUSSIAN EYEWITNESSES OF THE LATE NINETEENTH AND EARLY TWENTIETH CENTURY EUROPEANISATION AND DEVELOPMENT OF SOFIA

Nikita S. Gusev

Ph.D., Senior Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A, Moscow, 119334, Russia
E-mail: gusevns@gmail.com

Abstract

In Bulgarian history, the period from the liberation of the country in 1878 to the so-called “wars for national unification” of 1912–1918 was one of progressive development aimed at joining Europe. One of the signs of a “modern” European state was the capital, which would demonstrate that a young Principality / Kingdom shared European cultural values. Using Russian travelogues of the time, this article pieces together a picture of the city during this period. The “European / Asian (Turkish)” dichotomy, equivalent to that of the “light world of the future / dark world of the past”, dominates the descriptions. Among the main features of the European city of the early twentieth century, three were significant: clean and wide streets, tall stone houses, and the usage of technology. At this time, Sofia was only moving towards this ideal, and the transformation did not affect the whole city. The speed of this movement was nevertheless so great that it amazed Russian eyewitnesses. In most cases, they did not see the shortcomings of the urban environment and the outskirts, which retained an Oriental look. The Bulgarians themselves were proud of the new look of Sofia, despite the fact that the subject of this pride was not original. However, it can be concluded that the Bulgarians understood the European cultural values associated with a city. Despite this, urban values did not become one of the foundations of the Bulgarian value system.

Keywords

Bulgaria, Sofia, city, modernization, Russian observers, European values

Received 17 September 2019.

Волею судеб небольшой город с полуторатысячелетней историей стал столицей Болгарского княжества. Не история или экономика послужили аргументами в пользу этого, выбор был обусловлен политическими причинами. Столица молодого славянского государства начала свой бурный рост и стала преображаться на глазах. За 30 лет (1880–1910) население Софии увеличилось в пять раз, в то время как во втором по динамике роста городе – портовой Варне – в 1,69, а во всей стране – в 1,5 раза¹. Такая опережающая скорость роста населения Софии была обусловлена ее столичным статусом, которому руководство страны придавало огромное

¹ Велинова З., Начев И. София и балканската модерност. София: Рива, 2016. С. 60.

значение. Город должен был стать витриной всей Болгарии, наглядным доказательством прогресса и европеизации страны и, как принято сейчас выражаться, олицетворять соответствие европейским ценностям*.

Однако даже при взгляде издали возвышающиеся минареты говорили об ориентальном прошлом города. В феврале 1878 г. в Софии на 11 694 человек насчитывалось две школы, семь церквей и 30 мечетей и суфийских обителей². Уничтожением следов господства ислама уже в 1878 г. занялись Временное русское управление и лично императорский комиссар Александр Михайлович Дондуков-Корсаков. В то же время, по словам современников, «чтобы не задеть религиозного чувства турок», мусульманские храмы подрывали ночью, прикрываясь раскатами грома³. Однако и православное население было не готово к коренным переменам, почему первый план переустройства города, уже утвержденный князем, так и не реализовался⁴. Впрочем, и для менее радикальных преобразований следовало снести множество зданий. Это требовало волевого и авторитарного руководителя, и самое масштабное преобразование Софии приходится на кметство (мэрство) Димитра Петкова (1888–1893). Местное население пыталось защитить знаковые для себя места, но безуспешно. Так, неподалеку от известной церкви св. Петки Самарджийской находилась подлежащая сносу небольшая церковь Пресвятой Девы. Софианки окружили ее, дабы помешать уничтожению храма, и отказывались уходить, несмотря на угрозы конной полиции применить оружие. Лишь пожарные при помощи брандспойтов сумели разбить живую стену защитниц храма⁵.

Новый облик города служил доказательством успехов страны. Политик Н. Геннадиев с трибуны Народного собрания громко вещал, рассказывая о преобразованиях в Болгарии, в том числе произнес следующее: «Тридцать лет назад пастухи Софийской котловины собирались на рынок в грязном болотистом укреплении. На его месте возник город, который развивается со скоростью, не виданной на европейском

* Термин «ценности» используется в том значении, как его определил американский психолог и социолог М. Рокич: «Ценность есть стойкое предпочтение личностью или обществом определенного образа поведения или конечного состояния, в противоположность другому типу поведения или состоянию» (Цит. по: *Каган М. С.* Философская теория ценности. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. С. 51).

² *Славова П.* Метаморфози на строителния процес в следосвобожденска София (1878–1912) // Социологически проблеми. 2003. Кн. 3–4. С. 209.

³ *Ратиев А. Л.* То, что сохранила мне память. София: Изд-во Соф. ун-та им. Св. Климента Охридского, 1999. С. 572.

⁴ *Велинова З., Начев И.* София и балканската модерност... С. 133.

⁵ *Костенцева Р.* Моят роден град София в края на XIX – началото на XX век и след това. София: Рива, 2008. С. 21.

материке, и который украшает наше отечество. Вот это и есть величие Болгарии!»⁶. Сами софийяницы гордились столицей⁷ и задавали иностранцам вопрос: «А как вам нравится София?» «Мы слышали его раз по сту на день», – вспоминал русский путешественник⁸. Исходя из этого, можно заключить, что те преобразования, которые шли в столице, появившиеся на ее улицах новшества одобрялись самим населением, воспринимались им как символы прогресса и успеха. В связи с этой гордостью и одновременным сопротивлением изменениям интересно проанализировать, воплощением каких черт являлся город, то есть чем именно гордились столичные жители, и насколько постулируемая европейскость Софии в действительности соответствовала базовому набору ценностей жителей болгарской столицы.

Существует немало воспоминаний болгар об этом периоде. Но у всех у них большой недостаток – они ретроспективны. Во-первых, рассказывая о городе своей юности, безнадежно утратившем облик в силу его разрастания*, авторы неизбежно идеализировали Софию рубежа XIX–XX вв. Во-вторых, период 1878–1913 гг. остался в болгарской истории периодом оптимистических настроений и светлых устремлений в будущее. «После крушения национального идеала в 1913 г. страна уже никогда полноценно не возвращалась на путь своего поступательного развития», – справедливо отметил болгарский историк Д. Митев, говоря о последствиях Второй балканской войны⁹. Но и многое достигнутое в период нормального развития носило имитационный характер. «И пусть это была имитация, для современников она выглядела достаточно впечатляющей», – заметил болгарский академик И. Илчев. «Со светлой грустью», по его словам, уцелевшие после череды войн вспоминали первое десятилетие века, время, полное надежд, как «по крайней мере, им казалось»¹⁰. Воспоминания болгар о периоде до 1913 г. распространяют романтическую идеализацию

⁶ *Илчев И.* Междено време. София: Колибри, 2005. С. 318.

⁷ *Езерник Б.* Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников. М.: Лингвистика, 2017. С. 251.

⁸ *Амфитеатров А. В.* Недавние люди. СПб.: Типография «Т-ва Худож. Печ.», 1901. С. 99.

* В 1910 г. население городов, включая и небольшие (около 10 тыс. жителей), составляло 19,1% от общего числа жителей страны. До 1946 г. этот показатель изменился всего на несколько процентов, но София выросла с ок. 100 тыс. жителей до ок. 366 тыс. (*Младенов Ч., Димитров Е.* Урбанизацията в България от Освобождението до края на Втората световна война // География. 2009. № 1. С. 14–15.) Это неизбежно вело к размыванию городской культуры и городских традиций.

⁹ *Митев Д.* Готово ли бе българското общество в началото на XX век за изпитанието Балканска война – поглед от началото на XXI в. // Исторически преглед. 2013. № 1–2. С. 3.

¹⁰ *Илчев И.* Междено време... С. 324.

и на картину города, что ведет к их невысокой достоверности в оценках реальности преобразований по европейскому образцу.

В силу сказанного представляется плодотворным, в поиске ответов на поставленный вопрос, обратиться к сведениям, оставленным русскими наблюдателями Софии рубежа XIX–XX вв. В пользу перспективности данного подхода и глубины «русского взгляда» на Балканы приведено немало доводов, что снимает с меня необходимость их повторять¹¹. Вдобавок, используя этот тип источников, можно проследить, какие признаки современного города выделяли русские наблюдатели, тогда, несомненно, как и болгары, ориентировавшиеся на западные образцы. Однако при таких достоинствах, как низкий языковой барьер, позволявший самостоятельно и подробно ознакомиться с Софией, и тесное знакомство авторов травелогов с европейскими городами, что позволяло объективно сравнивать увиденное с идеалами, описания болгарской столицы рубежа XIX–XX вв. несли в себе заведомое искажение. Болгария воспринималась как детище России, а потому к ее успехам относились едва ли не как к собственным, что вело к определенным деформациям в картине. Последняя особенность более всего проявлялась у тех, кто мог сравнить Болгарию, только что обретшую независимость, и Болгарию, прошедшую определенный путь самостоятельного развития.

К данному типу наблюдателей можно отнести ученого и публициста Платона Андреевича Кулаковского. Впервые посетив Болгарию проездом в 1879 г., он вернулся в страну и подробно ее описал в 1899 г. «Теперь все новое, все иное в Болгарии. <...> Ее столицы – Софии – не узнать. Это теперь благоустроенный, совершенно новый город», – утверждал Платон Андреевич на страницах газеты «Московские ведомости»¹². Признавая недостатки, он их оправдывал ростом города и прогнозировал, что все будет исправлено: «Улицы широкие, правда, не мощенные, но отлично шоссированные. Пока освещение города по ночам дурно, но уже окончательно заключен контракт об электрическом освещении Софии. Как в новом городе – много еще пустых мест для будущих построек»¹³.

¹¹ Белов М. В. Русские путешественники и дипломаты на Балканах в первой половине XIX века: типология и эволюция описательных стратегий // Человек на Балканах глазами русских / отв. ред. Р. П. Гришина, А. Л. Шемякин. СПб.: Алетейя, 2011. С. 38–65; Гусев Н. С. Южные славяне в начале XX века: перспективы и сложности научного подхода // Славяноведение. 2019. № 1. С. 3–14; Шемякин А. Л. Сербское общество последней трети XIX – начала XX века глазами русских наблюдателей // Славяноведение. 2004. № 3 С. 21–32; Он же. Сербские сочинения П. А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования) // Славяноведение. 2017. № 3. С. 87–98.

¹² Московские ведомости. 1899. 8 XI.

¹³ Там же. 20 XI.

Наглядная для него динамика изменений болгарской столицы приводила к уверенности, что все это — лишь шероховатости на пути к будущему прекрасному европейскому городу. Это в определенной степени повлияло и на полноту его картины, из которой он, осознанно или нет, исключил некоторые особенности софийского пейзажа.

Направлявшийся в 1903 г. в Македонию, чтобы в составе чет сражаться с турками, военный журналист Б. Л. Тагеев был поражен Софией, которую знал лишь по рассказам. «Удивительно, что в течение 25 лет мог построиться такой город, как София», — писал он, особо указывая на наличие «прекрасных зданий, электрических трамваев, чудесных магазинов, кафе», хотя «ровно 26 лет назад турки, покинув Софию, оставили болгарам жалкие азиатские постройки да несколько мечетей»¹⁴.

Полны восхищения от Софии воспоминания о посещении этого города в 1907 г. русского генерала и первого военного министра Болгарии Петра Дмитриевича Паренсова. Он 27 лет не был в болгарской столице и «совсем не узнал» ее: «Ужаснейшие, грязные улицы 80-го года заменились отличными шоссе, а на главных улицах — великолепными мостовыми из продолговатых желтых кирпичиков. <...> Широкие тротуары, масса зелени, примерная чистота, быстро летящие по всем направлениям вагоны электрического трамвая и отличные извозчики»¹⁵. Он признал, что достижение подобных успехов облегчается в том числе и мягким климатом, но очевидные внешние преобразования его поражали, и изъяны городской среды оказывались в «слепых зонах». Блеск и европеизация Софии застили Паренсову глаза. Одно из ярчайших его впечатлений от болгарской столицы 1907 г. — это то, что на торжествах к юбилею русско-турецкой войны 1877–1878 гг. кучера и лакеи в каретах были в башмаках, камзолах, белых париках и «треугольных шляпах со страусовыми перьями»¹⁶. На фоне воспоминаний о городе, в котором самыми высокими зданиями являлись двухэтажные, а к приезду монарха в дворец срочно переделывали дом местного турецкого чиновника¹⁷, представшая перед Паренсовым картина действительно поражала и требовала отбросить любые претензии к действительности.

Менее пространно, но тоже ярко восхищался уже в 1912 г. Софией очевидец русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Василий Иванович

¹⁴ Тагеев Б. Из македонских воспоминаний русского добровольца // Русский вестник. 1903. № 12. С. 783.

¹⁵ Паренсов П. Д. Из прошлого. Воспоминания офицера генерального штаба. СПб.: В. Березовский, 1908. Часть 4-я. В Болгарии. Часть 5-я. Через 30-ть лет. С. 399–400.

¹⁶ Там же. С. 401.

¹⁷ Там же. С. 68.

Немирович-Данченко. Его поражало, что «недавняя чуть ли не деревня турецкая» теперь «его приняла, развернувшись чудесными домами, прекрасными улицами и памятниками, с сказочно быстротой вырастающая столица молодого королевства!»¹⁸. Однако если Немировича-Данченко нередко обвиняли в приукрашивании картины и даже за глаза называли «Немирович-Вральченко»¹⁹, то в том же 1912 г. подробно описал Софию человек совершенно иных взглядов и отношения к журналистике – Лев Давидович Троцкий.

Во время Первой балканской войны 1912–1913 гг. он так и не смог получить разрешение на выезд в действующую армию и провел довольно много времени в Софии, имея возможность подробно ее осмотреть. Будущий советский нарком заметил, что болгарская столица «от вокзала до дворца и парламента» представляет собой европейский город: «Отличные чистые мостовые, высокие дома, электричество, трамвай, корсо, элегантные наряды, дамские шляпы бóльших размеров, чем в Париже». Но существовали кварталы-рассадники зловония и болезней, прибежища ужасающей бедноты. Таким увидел Л. Д. Троцкий Юч-Бунар*, где находилось еврейское гетто²⁰. По мнению украинских исследователей М. Г. Станчева и Г. И. Чернявского, он в значительной степени драматизировал реальное положение дел в этом районе, хотя приятного в том квартале было действительно мало²¹. Как бы то ни было, Л. Д. Троцкого в данном случае трудно обвинить в субъективности, он отметил ту черту, которая, как представляется, определяла облик Софии рубежа XIX–XX вв., – сосуществование показной европейской части города и «азиатских окраин». Однако он был не первым, кто подчеркнул эту особенность болгарской столицы.

В 1894 г. получил отставку всесильный премьер Болгарии С. Стамболов, и начался процесс нормализации русско-болгарских отношений. В частности, это проявилось и в том, что после долгого перерыва в Болгарию поехали

¹⁸ *Немирович-Данченко Вас. И. С вооруженным народом // Немирович-Данченко Вас. И. Собрание сочинений. СПб.: Типолитография Акц. О-ва «Самообразование», 1913. Т. XIV. С. 39.*

¹⁹ *Гусев Н. С. Патриарх отечественной военной журналистики Вас. И. Немирович-Данченко и его корреспонденция с Первой балканской войны // Studia historiae Bulgariae et Europaе Orientalis. К юбилею Т. В. Волокитиной / ред. Е. Л. Валева [и др.]. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 41.*

* Юч-Бунар – район современных улиц Опълченска, Пиротска.

²⁰ *Троцкий Л. Перед историческим рубежом. Балканы и балканская война. СПб.: Новый Прометей, 2011. С. 158.*

²¹ *Станчев М., Чернявский Г. Л. Д. Троцкий, Болгария и болгары. София: Марин Дринов, 2008. С. 82.*

русские журналисты*. Одним из первых был Александр Валентинович Амфитеатров, проведший в Софии несколько лет и уделивший ей немалое внимание, что отразилось и в названии его очерка – «Софийское жительство». Но особого восхищения от города он не испытал, и первый же его вердикт говорит о сложившемся у него впечатлении: «София – это Тифлис филистеров». Сравнение вытекало из двойственности Софии: «одна часть – показная – европейская, даже слишком, до опошления; другая – дикая, азиатская – наследие турок». Уничижительность сравнения же следовала из того, что все предстает «в виде уменьшенном, суженном и омещаненном». Данного русского наблюдателя не впечатлили ни бульвары, ни предмет гордости софианцев – загородный сад, отделенный от города «довольно зловонною канавой или речонкой», через которую переброшен «украшенный орлами мост»²².

В отличие от посетившего болгарскую столицу всего через несколько лет Кулаковского, Амфитеатров видел ситуацию в статическом положении и потому мог заметить, что прилегающие к центральным улицам переулочки – в рытвинах, с разбитой мостовой и «напоминают заштатный город средней полосы России»^{**23}. Кулаковский писал, что в 1879 г. «София представляла странную смесь новых построек в одной части города, а другая половина была грязная, турецкая»²⁴. Но в 1899 г. он эту двойственность не упомянул, потому что, видимо, его поразила сама масштаб преобразований. А А. В. Амфитеатрову европеизация «скорым кавалерийским наскоком» (по выражению А. Л. Шемякина²⁵) не казалась целью, оправдывающей сложности переходного периода, и он вложил в уста «местной жительницы, оболгарившейся русской» свое неприятие подобных процессов в Болгарии: «Все – как-нибудь, все – наспех, об удобстве, о комфорте, об изяществе

* Это, отметим, объясняет и отсутствие в 1887–1894 гг. каких бы то ни было серьезных корреспонденций из этой страны. Писатель Г. И. Успенский смог лишь с парохода обозреть Болгарию, хотя и желал попасть в страну (*Успенский Г. И.* «Мы» на словах, в мечтаниях и на деле // *Успенский Г. И.* Полное собрание сочинений. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. Т. 10. Кн. 2. С. 57–58).

²² *Амфитеатров А. В.* Недавние люди... С. 98.

^{**} О том, что статический взгляд был более трезв и критичен, говорят также строки из воспоминаний болгарского политического деятеля К. Тодорова, вместе с родителями переехавшего в середине 1890-х гг. из Москвы в Варну: «После Москвы жизнь в Варне выглядела серой и провинциальной даже для 6-летнего ребенка. Улицы были грязны, дом неудобен <...>. Я был очень несчастен». (*Тодоров К.* Изповедта на една луда балканска глава. София: Летописи, 1994. С. 10.)

²³ Там же. С. 97.

²⁴ Московские ведомости. 1899. 8 XI.

²⁵ *Шемякин А. Л.* Никола Пашич: на стыке унитаристских и федералистских устремлений // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / отв. ред. А. Л. Шемякин. М.: Индрик, 2009. С. 41.

жилья – никаких забот... Этот народ весь свой век точно торопится на поезд, и, за скорым отъездом, ему решительно все равно, в какой обстановке проведет он последние двадцать-тридцать минут»²⁶.

Однако подобный негативный взгляд на происходившие преобразования был скорее исключением, чем правилом. Публицист и общественный деятель неославистского толка Дмитрий Николаевич Вергун в 1910 г. сравнивал Софию с «невестой, хлопчущей о приданом», также считая «следы строительной горячки» и вызванную этим грязь лишь вынужденным, но временным следствием «прихорашивания» города²⁷. Для большинства русских наблюдателей строительство нового, как многими отмечено, на немецкий манер²⁸, города было доказательством прогресса, а окраины со следами турецкого владычества представлялись символом азиатской архаики. Лишь более отстраненный от переживаний за европеизацию Болгарии человек, как, например, французский посол Марсель Дюнан, мог отметить в годы Первой мировой войны, что новые кварталы Софии имели «чисто банальный вид маленькой германской резиденции», а турецкие и цыганские кварталы «сохранили свою живописность и оригинальность»²⁹. Для русских путешественников дихотомия «европейский / азиатский», приравненная к «светлый мир будущего / темный мир прошлого», оставалась довлеющим мотивом в описании Софии. Судя по изменению облика столицы, и сами болгары разделяли эту точку зрения. Она распространялась и на изображение других болгарских городов, в которых следов османской эпохи оставалось значительно больше.

В 1912 г. в связи с Первой балканской войной русские журналисты увидели и описали болгарскую провинцию. Писатель Евгений Николаевич Чириков издали любовался вторым по размеру городом страны Пловдивом: «Чистый каменистый путь, широкие и веселые улицы, с большими двухэтажными и трехэтажными домами, тип построек – немецкий». Но вблизи – пестрая толпа, «смесь европейского с азиатским» делала город оживленным и шумным, очарование сказки спадало – «издали было лучше». Город казался новым, но при этом оставались рудименты прошлой эпохи – несколько мечетей, одна из которых перестроена из старой болгарской церкви, несколько развалившихся турецких домов, турецкая

²⁶ Амфитеатров А. В. Недавние люди... С. 94.

²⁷ Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Београд: Архив Србије; Москва: Гл. арх. упр. г. Москвы, 2012. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917 / авт.-сост. А. Л. Шемякин, Мирослав Перишић [и др.]. С. 120.

²⁸ Чириков Е. Н. Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М.: Московское книгоиздательство, 1913. С. 135; Паренсов П. Д. Из прошлого... С. 400.

²⁹ Дюнан М. Българското лято. София: Стрелец, 1993. С. 22.

баня и приютившаяся на отвесной скале маленькая церковь. Здесь, как и в Софии, окраина разительно отличалась от центра: «За мостом через Марицу – большая старая слобода, где еще пахнет Турцией: много мечетей и грязи, а домики прячутся во дворах»³⁰.

Сотрудник газеты «Раннее утро» Николай Петрович Мамонтов, как и многие корреспонденты в 1912 г., посетил Старую Загору, где тогда находился штаб всей армии. Он отметил, что молодой город быстро растет, правильно устроены и функционируют телефон, канализация, водопровод. При этом все же «чистенький, прекрасно распланированный город» сохранял следы своей истории: «Острая игла белого минарета “джамии” теряется в соседстве с золотыми куполами новых храмов, старая баня “хаммам” неуклюже выперла на середину новой, отлично мощеной улицы и с недоумением смотрит подслеповатыми старушечьими глазами своих тусклых окошек на кипящую вокруг нее новую жизнь»³¹. Упомянувшийся Вас. И. Немирович-Данченко считал, что Старая Загора делается европейским городом: строятся большие дома, театр, достойный крупного русского университетского города, создаются просторные школы; «и рядом – старая, милая идиллия поэтического Востока»: кафе, где сидят, поджав ноги, турки, жарят «кебап» на углях, возвышаются купола турецкой бани³². В Ямболе по бульвару ходили свиньи, овцы, было полно рытвин, и рядом же висело объявление о рентген-кабинете, что в начале XX в. являлось новинкой. «Какой контраст!» – восклицал описавший это корреспондент «Нового времени» Александр Александрович Пиленко³³.

Как видим, для русского наблюдателя рубежа XIX–XX вв. болгарская столица являлась воплощением прогресса, и в большинстве своем очевидцы были готовы закрыть глаза на то, что прогресс пришел лишь на центральные улицы. Исходя из этого, можно сделать вывод, что для них европейский тип города являлся одной из ценностей нового мира, светлой эпохи веры в прогресс и развитие человечества, под которой подвела черту Первая мировая война. А все олицетворявшее турецкое наследие и «азиатчину» представало архаикой, и следственно, в той системе ценностей, порождало негативное отношение к себе.

³⁰ *Чириков Е. Н.* Поездка на Балканы... С. 136–137.

³¹ *Мамонтов Н. П.* С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. М.: Тип. Т-ва Мамонтова, 1913. С. 51.

³² *Немирович-Данченко Вас. И.* С вооруженным народом... С. 51.

³³ *Пиленко А. А.* Около Болгарской войны. Дневник и сорок девять любительских фотографий. СПб.: Издание газеты «Вечернее время», 1913. С. 22.

На основе представленных травелогов можно выделить те характеристики, что превращали Софию в город европейского типа начала XX в. Наибольшее внимание уделялось дорогам и улицам. П. Д. Паренсов еще в 1880 г. считал прямые и широкие улицы залогом будущего прекрасного города³⁴, а советский писатель К. М. Симонов в 1944 г., глядя на широкие главные улицы пострадавшей от авианалетов болгарской столицы, предположил, сколь красива она была³⁵. Именно этот фактор в глазах журналистов делал Софию начала XX в. красивее Белграда, где имелись «лишь две хорошие, составляющие продолжение одна другой» улицы³⁶, да и там царила непролазная грязь³⁷. И в итоге, заключил Л. Д. Троицкий, «контраст между захолустным, невымощенным, грязным Белградом и чистой на немецкий лад, с высокими зданиями Софией – разителен»³⁸. Упомянутые в цитате высокие здания являются второй распространенной в травелогах характеристикой европейского города*. В качестве третьей можно выделить достижения технического прогресса – электричество, трамвай** и т. д.

Увидев эти три основные черты, русские очевидцы делали вывод, что София – европейский город в том виде, в каком его представляли в начале XX в. Они «не замечали», что болгарская столица только шла к этому идеалу, поскольку скорость и масштаб преобразований вызывали гордость у представителей русского общественного мнения, считавшего Болгарию детищем России, это чувство вытесняло признание объективной картины. Вдобавок сказывалось и то, что очевидцы являлись представителями

³⁴ Паренсов П. Д. Из прошлого... С. 68.

³⁵ Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1942–1945 годы. М.: Грифон М, 2005. С. 380.

³⁶ Мартынов Е. И. Сербь в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1913. С. 7–8.

³⁷ Немирович-Данченко Вас. И. С вооруженным народом... С. 16–17; Троицкий Л. Перед историческим рубежом... С. 47; Чириков Е. Н. Поездка на Балканы... С. 19–20. Хотя в Софии грязь на улицах также не была редкостью. Как метко выразился, вспоминая свое детство в межвоенной Болгарии, социолог и культуролог В. Свинтила, «грязь была софийским бытом» (Свинтила В. Забравена София. София: Захарий Стоянов, 2017. С. 235.)

³⁸ Троицкий Л. Перед историческим рубежом... С. 104.

* Софийские дома производили впечатление и на советских солдат, освобождавших страну в 1944 г. Один из них вспоминал, что затем, работая в райкоме партии, не выдавал путевки в Болгарию тем, кто не посетил Ленинград, Москву или Киев, объясняя им: «...А то увидите в Болгарии трехэтажный дом и начнете восхищаться» (Гуранда Иван Афанасьевич // Воспоминания ветеранов Великой Отечественной Войны. URL: <https://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/guranda-ivan-afanasevich/> (дата обращения: 15.09.2019).)

** Трамвайное сообщение было запущено в Софии только в 1901 г., в том же году началось элетрическое освещение улиц на постоянной основе (История на България. София: Анубис, 1999. Т. 3: История на нова България, 1878–1944 / Стателова Е., Грънчаров С. С. 247). Этим обусловлено то, что данные черты повседневной жизни не упоминаются в более ранних травелогах.

городской культуры и, разделяя европейские ценности или противостоя им, имели одинаковое представление о прогрессе в рамках городского пространства и во многом подчиняли ему свое описание Софии.

Говоря о болгарях того времени, можно признать, что сам город и городская культура стали для них одной из так называемых европейских ценностей*. Отстраивая и перестраивая свою столицу, они желали доказать себе и всему миру, что они – часть Европы, а не Азии. «После проведения внешних преобразований можно было обоснованно ожидать европеизации Балкан: когда жителей и их города уже было бы нельзя отличить от других в Европе, предполагалось, что они переймут и все остальные качества, принесшие Западу благосостояние», – писал по поводу изменения облика балканских городов словенский антрополог Б. Езерник³⁹. Однако в действительности стремление быстро изменить именно внешний облик вело к прекрасным показным улицам с мостовой и соседним переулкам в рывинах. «Витринная» европеизация не давала Балканам стать частью Европы, но, судя по гордости софианцев за свой город и по тому, что они мирились с описанными окраинами, европейские ценности действительно постулировались и понимались. Хотя полностью и не разделялись.

Литература

Белов М. В. Русские путешественники и дипломаты на Балканах в первой половине XIX века: типология и эволюция описательных стратегий // Человек на Балканах глазами русских / отв. ред. Р. П. Гришина, А. Л. Шемякин. СПб.: Алетейя, 2011. С. 38–65.

Велинова З., Начев И. София и балканската модерност. София: Рива, 2016.

Гусев Н. С. Патриарх отечественной военной журналистики Вас. И. Немирович-Данченко и его корреспонденция с Первой балканской войны // *Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis*. К юбилею Т. В. Волокитиной / ред. Е. Л. Валева и др. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 31–44.

Гусев Н. С. Южные славяне в начале XX века: перспективы и сложности научного подхода // *Славяноведение*. 2019. № 1. С. 3–14. DOI 10.31857/S0869544X0003667-6.

Езерник Б. Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников. М.: Лингвистика, 2017.

* Это их сильно отличало от соседей-сербов, где газета правящей партии называла город «гнездом иноземщины», а крестьяне на сходках заявляли: «...Не хотим людей в пальто». (*Шемякин А. Л.* Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918): между «национальным идеалом» и «гражданским обществом» // *Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг.* / отв. ред. А. Л. Шемякин. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 185–186.)

³⁹ *Езерник Б.* Дикая Европа... С. 273.

- Илчев И. Междено време. София: Колибри, 2005.
- История на България. София: Анубис, 1999. Т. 3: История на нова България, 1878–1944 / Стателова Е., Грънчаров С.
- Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997.
- Митев Д. Готово ли бе българското общество в началото на ХХ век за изпитанието Балканска война – поглед от началото на ХХI в. // Исторически преглед. 2013. № 1–2. С. 3–15.
- Младенов Ч., Димитров Е. Урбанизацията в България от Освобождението до края на Втората световна война // География. 2009. № 1. С. 13–17.
- Славова П. Метаморфози на строителния процес в следосвобожденска София (1878–1912) // Социологически проблеми. 2003. Кн. 3–4. С. 206–225.
- Станчев М., Чернявский Г. Л. Д. Троицкий, Болгария и болгары. София: Марин Дринов, 2008.
- Шемякин А. Л. Никола Пашич: на стыке унитаристских и федералистских устремлений // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / отв. ред. А. Л. Шемякин. М.: Индрик, 2009. С. 30–63.
- Шемякин А. Л. Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918): между «национальным идеалом» и «гражданским обществом» // Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. / отв. ред. А. Л. Шемякин. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 169–260.
- Шемякин А. Л. Сербские сочинения П. А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования) // Славяноведение. 2017. № 3. С. 87–98.
- Шемякин А. Л. Сербское общество последней трети ХIХ – начала ХХ века глазами русских наблюдателей // Славяноведение. 2004. № 3. С. 21–32.

References

- Belov, M.V., 2011. Russkie puteshestvenniki i diplomaty na Balkanakh v pervoi polovine ХIХ veka: tipologii i evoliutsiia opisatel'nykh strategii [Russian travelers and diplomats in the Balkans in the first half of the 19th century: typology and evolution of descriptive strategies]. In: Grishina, R.P., Shemiakin, A.L., eds, 2011. *Chelovek na Balkanakh glazami russkikh* [Man in the Balkans through the eyes of Russians]. Saint Petersburg: Aleteiia, pp. 38–65.
- Ezernik, B., 2017. *Dikaia Evropa. Balkany glazami zapadnykh puteshestvennikov* [Wild Europe. Balkans through the eyes of Western travelers]. Moscow: Lingvistika.
- Gusev, N.S., 2018. Patriarkh otechestvennoi voennoi zhurnalistiki Vas. I. Nemirovich-Danchenko i ego korrespondentsiia s Pervoi balkanskoi voiny [The Patriarch of Russian military journalism Vas. I. Nemirovich-Danchenko and his correspondence from the First Balkan war]. In: Valeva, E.L., ed., 2018. *Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis. K iubileiu T. V. Volokitinoi* [Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis. The anniversary T. V. Volokitina]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 31–44.

- Gusev, N.S., 2019. Iuzhnye slaviane v nachale XX veka: perspektivy i slozhnosti nauchnogo podkhoda [South slavs in the early twentieth century: perspectives and complications of scholarly analysis]. *Slavianovedenie*, 1, pp. 3–14. DOI 10.31857/S0869544X0003667-6.
- Ичев, И., 2005. *Mezhdeno vreme* [Border time]. Sofia: Kolibri.
- Kagan, M.S., 1997. *Filosofskaia teoriia tsennosti* [Philosophical theory of value]. Saint Petersburg: Petropolis.
- Mitev, D., 2013. Gotovo li be bulgarskoto obshtestvo v nachaloto na XX vek za izpitaniето Balkanska voina – pogled ot nachaloto na XXI v. [Was the Bulgarian society of the early XX century ready for the test of the Balkan war – a look from the XXI century]. *Istoricheski pregled*, 1–2, pp. 3–15.
- Mladenov, Ch., Dimitrov, E., 2009. Urbanizatsiata v Bulgariia ot Osvobozhdeniето do kraia na Vtorata svetovna voina [Urbanisation in Bulgaria from Liberation to the end of World War II]. *Geografia*, 1, pp. 13–17.
- Shemiakin, A.L., 2004. Serbskoe obshchestvo poslednei treti XIX – nachala XX veka glazami russkikh nabliudatelei [Serbian society of the last third of the nineteenth – early twentieth century through the eyes of Russian observers]. *Slavianovedenie*, 3, pp. 21–32.
- Shemiakin, A.L., 2009. Nikola Pashich: na styke unitaristskikh i federalistskikh ustremlenii [Nikola Pasic: at the junction of Unitarian and federalist aspirations]. In: Shemiakin, A.L., ed., 2009. *Do i posle Versalia. Politicheskie lidery i ideia natsional'nogo gosudarstva v Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evrope* [Before and after Versailles. Political leaders and the idea of a nation-state in Central and South-Eastern Europe]. Moscow: Indrik, pp. 30–63.
- Shemiakin, A.L., 2016. Osobennosti politicheskogo protsessa v nezavisimoi Serbii (1878–1918): mezhdu “natsional'nym idealom” i “grazhdanskim obshchestvom” [Features of the political process in independent Serbia (1878–1918): between the “national ideal” and “civil society”]. In: Shemiakin, A.L., ed., 2016. *Chelovek na Balkanakh. Osobennosti “novoi” iuzhnoslavianskoi gosudarstvennosti: Bolgariia, Serbiia, Chernogoriia, Korolevstvo SKhS v 1878–1920 gg.* [Man in the Balkans. Features of the “new” South Slavic statehood: Bulgaria, Serbia, Montenegro, the Kingdom of SCS in 1878–1920]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 169–260.
- Shemiakin, A.L., 2017. Serbskie sochineniia P.A. Rovinskogo (pervichnoe osmyslenie i perspektivy issledovaniia) [Serbian works of Pavel Rovinski (first consideration and perspectives of further research)]. *Slavianovedenie*, 3, pp. 87–98.
- Slavova, P., 2003. Metamorfozi na stroitelniia protses v sledosvobozhdenska Sofia (1878–1912) [Metamorphosis of the construction process in Sofia after the liberation]. *Sotsiologicheski problemi*, 3–4, pp. 206–225.
- Stanchev, M., Cherniavskii, G., 2008. *L. D. Trotskii, Bolgariia i bolgary* [Trotsky, Bulgaria and the Bulgarians]. Sofia: Marin Drinov.
- Statelova, E., Gruncharov, S., 1999. *Istoriia na Bulgariia. Vol. 3: Istoriia na nova Bulgariia, 1878–1944* [History of Bulgaria. Vol. 3: New history of Bulgaria, 1878–1944]. Sofia: Anubis.
- Velinova, Z., Nachev, I., 2016. *Sofia i balkanskata modernost* [Sofia and Balkan modernity]. Sofia: Riva.